

МЫ – ДЕТИ ВОЙНЫ

текст Алексей Сергушкин

Ангелина Павловна Бараненко

В год 80-летия начала Великой Отечественной войны мы вновь обращаемся к трагическим и героическим событиям её первых месяцев, восхищаемся стойкостью и патриотизмом наших дедов и прадедов. Нам посчастливилось познакомиться с материалами готовящейся к печати книги воспоминаний ветерана войны Ангелины Павловны Бараненко, ушедшей из жизни в 2021 году в возрасте 90 лет. Уроженка Крыма, она вторую половину жизни отдала Куйбышеву (Самаре), куда в 1974 году переехала вместе с супругом Анатолием Семёновичем Фарбером, впоследствии – полковником штаба авиации ПриВО. Трудившаяся скромным учителем биологии и заведующим библиотекой в куйбышевской школе № 58, Ангелина Павловна всю жизнь несла в себе впечатления 11-летней девочки, вместе с семьёй прошедшей через ужасы эвакуации и оккупации. Посвящённые этому страницы воспоминаний – наверное, самые яркие и пронзительные.

В ДОВОЕННОМ КРЫМУ

Ангелина Бараненко родилась 11 августа 1930 года в Биюк-Онларе – сегодня это посёлок Октябрьское Красногвардейского района. Позднее семья переехала в Курман-Кемельчи (Красногвардейское). Отец Ангелины – Павел Сергеевич Бараненко – был из бедной многодетной семьи, которая в родной Строгановке, что на Херсонщине, натерпелась невзгод во время войн и революций и в начале 1920-х годов переехала в Крым. Павел Сергеевич, как и его братья Андрей и Леонтий, был активным борцом за советскую власть, идейным коммунистом. Он участвовал в Гражданской войне, воевал с Врангелем, а позднее активно восстанавливал хозяйство в Крыму. В 1929 году он организовал и многие годы возглавлял сельхозартель «Красный сигнал», которая уже после войны, в 1962 году, стала колхозом имени XXI Партсъезда Красногвардейского района, одним из известных в стране колхозов-миллионеров.

По воспоминаниям Ангелины Павловны, её отец был деятельным и целеустремлённым человеком: «Он быстро навёрстывал то, что недополучил в юности, окончил партийную школу, что по тем временам было хорошим образованием, бухгалтерские курсы, освоил между делом профессию повара. Папу я всегда представляла командиром на лихом коне – такой характер у него был, горячий. Однако он умел держать эмоции под контролем и при необходимости проявлять дипломатичность и деликатность. Притом, что мы сами жили небогато, папа не отказывал никому в помощи и поддержке, его глубоко уважали за доброту, честность, бессребреничество. Отношения родителей между собой и с близкими основывались на любви, добре и взаимной поддержке. Мне оставалось только следовать их примеру».

Красногвардейский район расположен в самом центре полуострова – это типичный внутренний степной Крым, где из-за дефицита влаги земледелие всегда давалось непросто. Однако хозяйство Павла Бараненко в довоенные годы было довольно успешным – благодаря как личности руководителя, так и во многом национальному составу населения: в центре Крыма в те годы жило много немецких колонистов, которых отличала высокая культура быта и земледелия, производства и ремёсел. Здесь строили артезианские колодцы, мельницы, мастерские, разводили сады, проводили ярмарки.

Вообще, довоенный Крым представлял собой очень пёстрое в национальном отношении сообщество, где тесно взаимодействовали между собой, нередко вступая в межнациональные браки, русские и украинцы, немецкие и еврейские поселения, крымские татары, крымчаки, караимы, греки, болгары, армяне и представители других народов. «Межнациональные отношения были непростыми, но люди находили между собой общий язык и мирно уживались, пока в национальные вопросы не вмешивалась политика и война», – вспоминает Ангелина Бараненко.

ПОСЛЕДНИЙ ЭШЕЛОН В КЕРЧЬ

Известие о начале войны пришло к крымчанам в разгар полевого сезона. Главными новостями стали сводки Совинформбюро. И хотя обстановка на фронтах для войск Красной Армии складывалась крайне неблагоприятно, люди не падали духом – напротив, произошёл подъём

патриотических настроений. В военкоматы шли добровольцы, в армию призвали многих старших родственников Ангелины Павловны, в том числе нянчившего её в детстве любимого дядю – Фёдора Афанасьевича Смутко – мамино младшего брата.

«Хотя уже в июле началась эвакуация населения, мы надеялись, что гитлеровцы к нам не прорвутся, – вспоминает Ангелина Бараненко. – Папа, как ответственный работник, продолжал руководить хозяйством, был занят с раннего утра до ночи. Официально перешли на 11-часовой рабочий день, фактически же он был куда больше. У нас в школе состоялись комсомольские и пионерские собрания, на которых школьники решили принять участие в уборочных работах».

В августе 1941 года из Крыма в Сибирь и Среднюю Азию было депортировано немецкое население с семьями – более 50 тысяч человек. «Специально распустили слух, что у немцев нашли оружие. Видимо, нужен был повод, чтобы убрать их с родных мест, – рассуждает Ангелина Павловна. – Вместе с мужем Эдуардом, крымским немцем, и двумя детьми пришлось уехать моей двоюродной сестре Ирине Андреевне Блинд и другим членам семьи покойного дяди Андрея».

В начале сентября передовые части немецких войск вышли в Северную Таврию, и стало ясно – вторжения врага на Крымский полуостров не избежать. «Наша семья остаться не могла – папа, как коммунист и руководитель, был известным человеком в районе, а семьи таких людей, как и еврейские, фашистами истреблялись в первую очередь, – вспоминает Ангелина Бараненко. – Пришло известие, что для эвакуируемых готовится последний эшелон до Керчи. Оттуда через пролив морем люди надеялись добраться до Тамани, до Краснодарского края, который тогда считался глубоким тылом».

«Надо было успеть к поезду, иначе мы могли из Крыма не выбраться, – продолжает Ангелина Павловна. – Но мама находилась за сотню километров от нас – ранее папа отправил её вместе с другими колхозниками на строительство оборонительных сооружений на Перекопском перешейке. За ней срочно снарядили бабушку Анастасию Васильевну, которая хорошо знала те места и смогла быстро найти свою дочь Меланью Афанасьевну Бараненко. Привезла её на напряжённой лошади повозке прямо на станцию Урожайную, к стоящему под парами поезду. Вот только сесть в него, казалось, уже невозможно – людьми были полны не только вагоны, но и площадки тамбуров. И тогда папа принял единственно верное решение – через открытое окно он смог «втиснуть» в вагон маму, передать ей меня и через то же окно влез сам. И почти тут же поезд отправился в направлении Керчи...»

ПЕРЕПРАВА

«Мы ждали прибытия в Керчь как избавления от войны, но оказалось – война ближе, чем мы думали, – рассказывает Ангелина Бараненко. – Город и переправу немецкая авиация бомбила нещадно и постоянно. Народу скопилось много, а плавсредств было мало, нередко пароходики и катера гибли от бомб, вместе с людьми уходя на дно Керченского пролива».

Мы терпеливо ждали своей очереди на переправу, ночевали на перроне вокзала и в порту. Пройдя через эту кочевую неприкаянность быта, тягостное ожидание, я с тех пор очень хорошо понимаю состояние людей, ночующих на вокзалах и в аэропортах в ожидании поезда или самолёта, сопереживаю им».

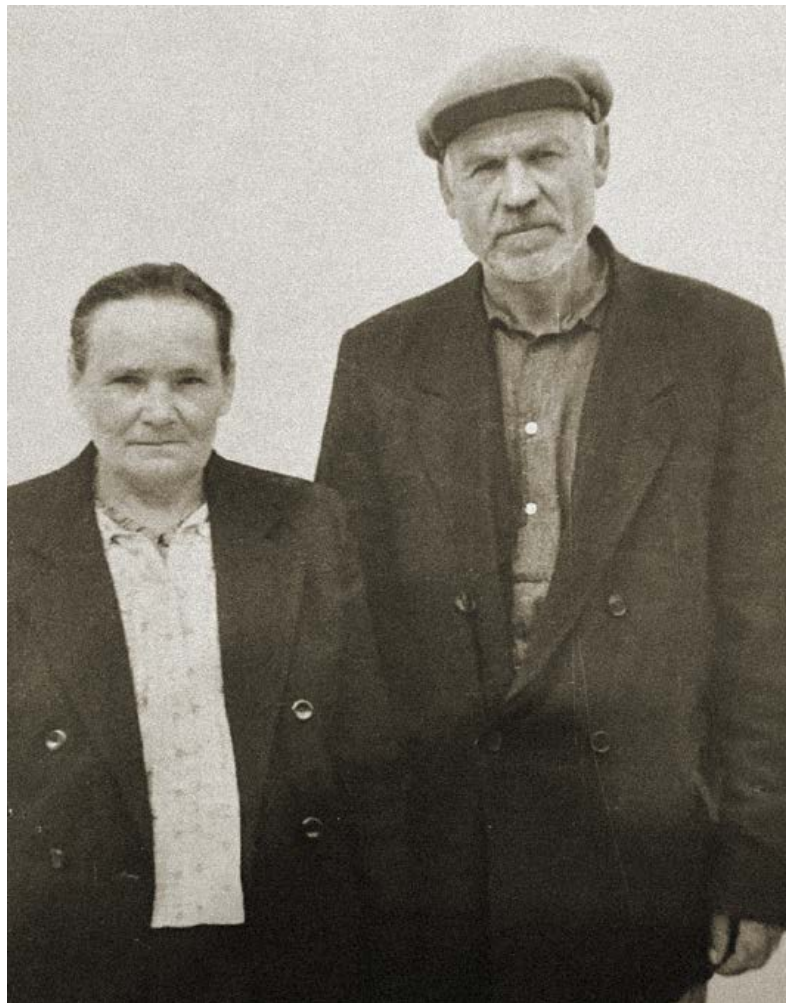
Маленькая Ангелина с родителями и двоюродной сестрой И.А. Блинд

Среди беженцев из Красногвардейского района большинство были еврейские семьи, колхозники. «Общая беда и общая цель сплотили нас, – вспоминает наша героиня. – Зная друг друга до войны, мы сблизились ещё больше, держались вместе, «табором». Я подружилась с еврейским мальчиком Борей Шапиро, у нас даже возникли дружеско-романтические отношения. В моей жизни это был первый мальчик, который мне понравился. Горько сознавать, что далеко не все крымские евреи смогли эвакуироваться, а оставшиеся по большей части были уничтожены оккупантами и их пособниками, как и крымчаки».

По различным историческим данным, из 65-70 тысяч проживавших в Крыму до войны евреев, в живых осталась примерно третья часть.

Керченский пролив, всего 4,5 километра в самом узком месте, отделял беженцев от, как им казалось, мирной жизни. «Прошло, наверное, больше недели, когда настал наш черёд, – продолжает Ангелина Павловна. – Помню переправу: вокруг другие суда, непрерывная бомбёжка, и мы, чудом добравшиеся живыми до Таманского полуострова. Но бомбы настигли нас уже там, где мы надеялись на спасение. Помню отчётливо, как бежали по полю, крики, взрывы, вывороченные груды земли и лежащие среди них оторванные части человеческих тел...»

Осенью 1941 года из Крыма было вывезено более 225 тысяч человек. Большинство эвакуированных были размещены в Краснодарском и Ставропольском краях, в республиках Закавказья и Средней Азии. 28 октября противник прорвал Ишунские позиции на юге Перекопского перешейка и вышел на степные просторы полуострова.

Татьяна и Иван Тульневы

ОТ ТАМАНИ ДО КАВКАЗА

«На Кубани нас никто не ждал, и мы, как могли, добрались до Гулькевичского района, – вспоминает Ангелина Бараненко. – Поселились в деревне у одинокой старенькой бабушки, очень доброй и гостеприимной. К тому времени наши войска оставили Крым, держался только Севастополь. Я ходила в школу, на дороге – грязь по колено, по вечерам забиралась на русскую печь и читала подряд все книги, которые хранила хозяйка, а были они сплошь церковные. Тексты из этих старинных фолиантов на церковнославянском языке навсегда запечатлелись в душе. Даже сейчас, услышав что-то из Евангелия, непроизвольно вспоминаю эвакуацию. Жили мы голодно. Когда наступили холода и земля промёрзла, ходили на поля и собирали немногие остатки урожая. Попадалась, в основном, сахарная свёкла, мамы пекли её в печке, в чугушке – получалось очень вкусно.

Позже мы перебрались южнее – в большую станицу Отрадную, где работали маслозавод и другие предприятия. Родители трудились, посевная весной 1942 года прошла по плану, в июле кое-где началась уборка урожая, в которой посильную помощь оказывали и мы – дети».

Но и этот, пусть тяжёлый, но мирный период в жизни семьи Ангелины Павловны прервала война. 24 июля 1942 года после тяжелейших боёв наши войска во второй раз оставили Ростов-на-Дону, а 9 августа пал Краснодар, и немцы устремились на Кавказ.

«Спасаясь от немецкого плена, мы уехали из Отрадной на юг, рассчитывая пересечь Кавказ и добраться до Сочи, в безопасные места, – продолжает Ангелина Павловна. – В колхозе каждой семье нашего «табора» дали по паре лошадей и четырёхколёсную бричку. Ехали горными дорогами, по сути, убегали от наступающего врага. Не доезжая станицы Зеленчукской, лоша-

ди понесли, не разбирая дороги, к отвесной пропасти. Каким-то чудом отцу удалось соскочить с брички и на самом краю обрыва преградить путь перепуганным лошадям, схватить их под уздцы.

Добрались до посёлка Уруп – бывшего золотого прииска, где были радушно приняты местными жителями. Нас приютила семья Тульневых. Чтобы можно было проехать горными дорогами, наши мужчины отпилили заднюю часть повозок, переделав их в двухколёсные. Переночевали и утром двинулись дальше. Долго ехали лесом, неожиданно он закончился вместе с дорогой, открылся прекрасный вид – вдали голубые холмы, зелёные долины, белые шапки гор, отчётливо виден Эльбрус. Вокруг – заросли спелой ежевики, малины, рядом – пустая овчарня. Все сошли с повозок, собрались в помещении, где мужчины громко обсуждали наше положение. Папа сказал, что нужно оставить семью здесь и разведать обстановку. Его послушали.

Несколько часов, укрывшись в овчарне, мы ожидали их возвращения. Оказалось, что в горах они почти столкнулись с группой немецких солдат, предположительно десантом. Обратно ехали, уже не надеясь застать нас живыми. Папа сильно переживал, понимая, что в группе евреев немцы не станут искать русских или украинцев. Но Бог сохранил. Мы все благополучно вернулись в Уруп, а наша семья – в дом Тульневых».

В ОККУПАЦИИ

Вскоре район, где остановилась семья Бараненко и другие беженцы из Крыма, был оккупирован противником. Павел Сергеевич, по воспоминаниям его дочери, как-то раз ушёл в леса на поиски партизан с целью примкнуть к ним. На территории между Урупом и находящейся в 15 километрах от него станицей Преградная в горных лесах активно действовали партизанские отряды. Через несколько дней он вернулся, не найдя партизан, но спрятав в лесу свои документы – партбилет и удостоверение. Возможно, оба этих факта спасли семью – впоследствии основная часть местных партизанских отрядов была уничтожена карательными подразделениями.

«Мы очень сдружились с хозяевами дома, – рассказывает Ангелина Бараненко. – Их сын Андрей был старше меня и собирался на мне жениться, когда вырастет. Я это всерьёз не принимала, а у него, как позже выяснилось, намерения были вполне серьёзные. Много лет после войны родители поддерживали связь с Тульневыми, обменивались письмами. Они приняли нас как родных, и мы это помнили. У меня навсегда осталось чувство благодарности к жителям Северного Кавказа и к этому удивительно красивому краю. Они дали нам кров и прибежище в лютые годы войны».

По воспоминаниям Ангелины Павловны, в посёлке находились, в основном, румынские солдаты, среди которых немцы считались высшей кастой. «Мы жили в доме, в котором комнату с отдельным входом занимали два румынских офицера, – вспоминает она. – Однажды к ним на допрос солдаты привели двух пойманных в лесу девушек. Через тонкую стенку мы поняли суть разговора. Офицеры принуждали девушек к сожительству с ними под угрозой передать их немцам как пособников партизан. А это означало неминуемую гибель».

На волосок от смерти не раз находилась и семья Бараненко. В том числе, в тот день, когда трагически оборвалась жизнь еврейских беженцев, покинувших Крым и скитавшихся вместе с Ангелиной и её родителями.

Житель северокавказского селения указывает разведчикам дорогу
Автор – М.С. Редькин, фото из архива РИА «Армия России» Министерства обороны РФ

«Однажды немцы решили перегнать нас из посёлка Уруп в станицу Преградную, – рассказывает Ангелина Павловна. – Все сплошь молодые, здоровые, тренированные. Возможно, это были горные стрелки из дивизии «Эдельвейс». Шли горной тропой, которая часто сужалась до узенькой полки над пропастью. Мы держались за руки – папа, мама и посередине я. В самых опасных местах прижимались спиной к скале. Огромная высота, птицы летают где-то внизу, посмотришь туда – душа замирает. От того перехода у меня надолго остался страх высоты.

В Преградной еврейские семьи погнали дальше, как оказалось – на расстрел, а нашу семью в сопровождении солдата отправили в горный аул – к карачаевцам. Уходя, с высоты мы видели, как немцы готовились к расстрелу. Конечно, я была ребёнком и не всегда осознавала всю степень опасности. Мама о некоторых эпизодах, особенно о том, что случилось в тот день в станице Преградной, не хотела вспоминать и говорить даже спустя много лет после войны. Сейчас я понимаю, что нас могла ожидать та же участь, что и земляков евреев. Бог тогда снова спас нас от гибели».

В высокогорном ауле семью разместили в доме одного уважаемого человека, в маленькой комнате. «Хозяин был главой поселения и при немцах, и при советской власти, кажется, даже состоял в партии. Они с папой, как два руководителя советской школы, хорошо понимали друг друга, – вспоминает Ангелина Бараненко. – К папе относились с большим уважением. Мы были на положении гостей, но война внесла свои поправки и в закон кавказского гостеприимства. Нас никто не обижал, но и не баловал – шла война. Сами хозяева тоже находились в стесненных обстоятельствах, чем могли, поддерживали, однако за их счёт мы не жили, трудились наравне со всеми. Помню, как ходили за водой – спускались вниз, страшно было ходить по обледевшей тропе, по скользким валунам каменной горной речки. Однажды, когда какой-то семейный конфликт у хозяев завершился примирением, на радостях женщины приготовили вкусные пирожки, угостили и нас. А один соседский юноша называл меня Лено и танцевал передо мной лезгинку, а женщины-карачаевки смеялись».

ПЕРЕЛОМ

Лишь весной 1943 года, вскоре после победы под Сталинградом, немцев выбили с Кубани и Кавказа. «Оккупация, длившаяся около полугода, принесла горя и страданий на десятки лет, – заключает Ангелина Павловна. – А для некоторых кавказских народов, огульно обвинённых в пособничестве врагу, освобождение обернулось новыми бедами. В ноябре 1943 года почти 70 тысяч карачаевцев подверглись репрессиям и были депортированы. Позднее, весной 1944 года, та же участь постигла и коренные народы Крыма, в первую очередь – крымских татар».

Павлу Бараненко после окончания оккупации предложили поселиться в станице Преградной. «Папу назначили директором леспромпхоза, выделили маленькое служебное жильё, – вспоминает наша героиня. – Мама тоже пошла на работу. Осенью 1943 года все, кто мог, в том числе школьники, принимали участие в уборке небогатого урожая. Жили бедно, но после всего, что мы прошли, пшённая каша казалась лучшей пищей...»

Война была лишь на середине, но для семьи Бараненко самые страшные испытания остались позади. Впереди у юной Ангелины было вступление в комсомол 14 февраля 1944 года, трудное возвращение семьи в освобождённый Крым, начало официальной трудовой биографии 15 мая 1944 года в колхозе «Нива» и, конечно, крепнущая с каждым днём уверенность в окончательной Победе.

Два слова – «дети войны» – во многом определяют характер и отношение к людям у поколения сверстников Ангелины Павловны. Несмотря на трудности и невзгоды, многие из них считают себя счастливыми, ведь им была дарована свыше главная ценность – жизнь.